

ЯВЛЕНІЕ ФРАНЧЕСКИ.

(Изъ осады Коринна).

Лорда Бейрона.

XIX.

Онъ у сполба на камень сълъ,
 И въ даль задумчиво глядѣлъ,
 На сердце палагла шоска,
 Къ лицу прижалася рука,
 Склонилъ онъ голову на грудь,
 Дрожалъ, кишѣлъ, не могъ дохнушь,
 И пальцы бѣглые его
 Невольно бились о чело;
 Такъ по клавиру мы порой
 Бѣжимъ проворною рукой,
 Чшобъ нѣмъ его одушевить
 И въ струнахъ звучность пробудить.
 И въ мрачной онъ сидѣлъ шоскѣ.
 Вдругъ спонъ въ полночномъ въперкъ,

Но въперкомъ ли занесёнъ —
Межъ камней тихій пѣжный спомъ?

Онъ голову поднялъ, на море гляднптъ,
Но сонныя волны ничшо не спрунтъ,
Ничшо не колышетъ прибрежной правой,
И звукъ тихо вѣялъ, не въперъ ночной
Кусты Циперона; вдали передъ нимъ
Знамена и флаги, — ихъ видъ подвижимъ
И въперъ не тронулъ ланины его, —
А звукъ тихо вѣялъ — какой, онъ чего?
И онъ обернулся — онъ взоръ свой спремнптъ
Краса молодая на камнѣ сиднптъ.

ХХ.

Вздригнулъ, вскочилъ онъ, спрахъ сильный,
Чѣмъ если бъ вдругъ предсналъ злодѣй:
« О Боже! какъ! во тьмѣ ночей
« Чшо это, кшо, — какой судьбой
« Ты здѣсь въ превогъ боевой? »
Перекрестнпшься ищепъ смлъ,
Но онъ Свяшпшь измѣнилъ,
Рука дрожнптъ, хопѣлъ бы онъ

Но втайнѣ совѣстью смущёнъ.
 Узналъ онъ, кто предъ нимъ была,
 Кто такъ прекрасна, такъ мила;
 Франческа! ты ли? ахъ она
 Его невестой быть должна.
 Ты жъ розы на щекахъ у ней,
 Но блескъ румяный спалъ помнѣй
 И на устахъ улыбки нѣтъ,
 Которой рдѣль ихъ алый цвѣтъ;
 Не такъ синя лазурь въ волнахъ,
 Какъ въ темныхъ у нея очахъ,
 Но и лазурь ихъ, какъ волна,
 Свѣтла безъ жизни и хладна.
 Блещишь подъ легкой пеленой
 Вся прелесть груди молодой,
 И бѣлыхъ плечъ и рукъ пагихъ,
 И вьется кольцами по нихъ
 Спрут волосья густыхъ.
 Она не вдругъ опившись дала,
 Но тихо руку подняла;
 И милося такъ рука нѣжна,
 Что свѣтлится сквозь нее луна.

XXI.

Глубокій мой сонъ , на по прекращень
 Чшобъ я была счастлива , шы былъ спасень .
 Чрезъ вражій шанъ и грозну рань
 Я шла во пьмъ шебя искашь :
 Намъ слово шайное гласить
 Онъ чиспой дѣвы левъ бѣжитъ ;
 Кшо онъ звѣрей въ глуши лѣсной
 Шинномъ правдивому душой —
 Тонъ межъ снѣей невѣрныхъ силъ
 Мой робкій пушь благословилъ .
 Но если пушь напрасень мой ,
 Тѣ не виданься намъ съ шобой ;
 Ты дѣло спрашное свершилъ ,
 Ты вѣрѣ предковъ измѣнилъ ,
 Сорви чаму , кресномъ свяшнымъ
 Перекрещись — и будь монмъ ;
 Смой ядъ съ души , и завпра вновь
 Удѣлъ нашъ вѣчная любовь .

Гдѣ жъ ширъ намъ свадебный гоншвъ ?
 Гдѣ буденъ плачь , межъ мершвецовъ ,
 Посшела брачнымъ ? — Съ новымъ днемъ
 Я поклялся , огнемъ , мечемъ :

Погибнушь всё — лишь ты одна,
 Ты будешь мною спасена:
 И мы съ побой умчимся въ даль,
 Въ любви забудемъ мы печаль.
 Но я порокъ хочу сразить,
 Хочу Венеціи опмснить,
 Заснавно гордую узнашь
 Кто я, кѣмъ смѣла презирашь.
 Изъ скорціоновъ бичь сплещь
 На пѣхъ, чьей злобой я спѣсень!

Тогда, печальна и блѣдна,
 Его чунь пронула она
 Безмолвно легкою рукой;
 Но до косней проникъ спруей,
 Смершельный холодъ — сжалась грудь
 И силы нѣтъ ему вздохнуть,
 Она чунь держишь, а нельзя
 Освободишь ему себя;
 Какъ! шой рука, кто шакъ мила —
 Такой вдругъ ужась навела!
 И пальцы длинные у ней
 Такъ шонки! мрамора бѣлѣй,

А вмерзли въ кровь — и для чего
 Въ эту ночь такъ страшны для него —
 Опыль внезапно жаръ чела,
 И помноть мушная нашла,
 И камнемъ на сердце лежишь,
 Его и давишь и крушишь.
 Какъ видишь онъ, что такъ мрачна, —
 Такъ измѣнилася она!

Души той не видно въ ушлой красѣ,
 Бывало играющей въ каждой черпѣ,
 Какъ солнце весною въ прозрачной волнѣ;
 Уста недвижны и краска мертва,
 Изъ нихъ безъ дыханья несущая слова,
 И перси вздымая, ничто не живишь,
 И прелесть по жиламъ у ней не бѣжишь,
 Хоть очи сверкають, по взоръ усмирень
 И шукль неизмѣнно, и дикъ и смущень:
 Ужасно такъ смопритъ лишь пошь въ тишинѣ,
 Кто бродитъ несуганъ въ помншльномъ снѣ.
 Подобна тѣмъ ликамъ она передъ нимъ,
 Которые часто на пикани мы зримъ,
 Когда при лампадѣ, въ дыму чуть видна,
 Безъ жизни, но будно жива и страшна,

Та шкань шевелился опть бури почной
 И чудные лики, одѣные мглой
 Со стѣнъ будно сходящъ, а въшерь гудешъ,
 Качая обои и взадь и впередъ.

Сорви чалму, сорви скорѣй
 Съ преступной головы швоей,
 Клянись, что ты спасашъ гошовъ,
 Страны обиженной сыновъ;
 Не то, на вѣкъ ты погубленъ,
 На вѣкъ ты будешъ разлученъ
 Не съ этой жизнью земной,
 Уже утраченной побой,
 Но съ небесами и со мной.
 Смирись шеперь, и хощь жестокъ
 Твой завира неизбѣжный рокъ,
 На промыслъ Божій уповай!
 Вступитъ ты можешъ въ свѣтлый рай;
 Но ахъ, не медли — знай, что потъ,
 Кого гнѣвишь, — онъ проклянешъ.
 Тогда на небо погляди
 И ужь спасенья шамъ не жди.
 Луну вошь облако зашмишь
 И скоро, скоро пролепишь;

Свѣши очистишься душой,
 Покуда лучъ подъ дымной шьюмой, —
 Когда жъ проглянешъ свѣшъ луны,
 То Богъ и люди опмищены:
 Твой жребій спрашенъ, но спрашиый
 Безсмерные гибели швоей.

И Альпо на небо глядишь
 И видишь, облако лешишь,
 Но сердце полное враждой
 Дышало гордоснью одной —
 И спраши кичливая его
 Какъ бурный шокъ крушила все.
 Чшобъ онъ смиряшся былъ гошовъ?
 Спрашился робкой дѣвы словъ?
 Чшобъ онъ шѣхъ дерзосныхъ спасалъ,
 Копорымъ смернь онъ обрекалъ?
 « Хонь въ облакъ несешся шомъ
 « И гибель мнѣ; пушь грянешъ громъ! . . . »
 Онъ долго присшально смонрѣлъ,
 Какъ блескъ луны въ дыму шемилъ
 Но облако прошло; — луна,
 Блеснишь надъ нимъ, свѣшла, ясна.

Тупъ молвилъ онъ: « все пошь же я!
 Какъ хочеть рокъ, гони меня;
 Тросникъ гроза волнуя гнеть,
 Но сломить дубъ, а не шапнеть.
 Ужь поздно — участь ршена,
 Всему Венеція вина,
 И я во всемъ ся злодѣй,
 И ты одна мила мнѣ въ ней.
 Бѣги со мной! о будь моей! »

Глядишь — её ужъ нѣтъ
 Сребришь лишь камни луный свѣтъ, —
 Чшо жъ, — въ землю скрылася она,
 Иль въ шонкой паръ обращена?

И онъ, чшо иворнися, за чѣмъ, для чего
 Не видишь, не знаешь; но нѣтъ никого.

Иванъ Козловъ.

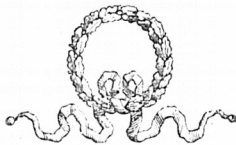
НЕВСКИЙ

АЛЬМАНАХЪ

НА 1850 ГОДЪ.

Изданъ

Е. Аладьинимъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Плюшара